

Турилов А. А. Исследования по славянскому и сербскому средневековью. Београд: Чигоја штампа, 2014. 739 с.; ил.

Издание подготовили Снежана Елесиевич, Джордже Трифунович

Содержание

Предисловие/Предговор

I. Кирилло-мефодиевское наследие и сербская средневековая книжно-письменная традиция

Судьба древнейших славянских литературных памятников в средневековых национально-региональных традициях

Роль сербской традиции в сохранении древнейших памятников славянской литературы
К определению объема творческого наследия учеников Кирилла и Мефодия в составе славянского Требника (Предварительные наблюдения над южнославянской рукописной и старопечатной традицией)

К изучению южнославянской рукописной традиции «Прогласа Константина Философа» Милешевский Панегирик и Гомилиарий Михановича — к датировке и происхождению двух древнейших сербских списков Торжественника общего

Две забытые даты болгарской церковно-политической истории IX в. (К вопросу формирования болгарского варианта церковного месяцеслова в эпоху Первого царства)

II. Межславянские книжно-литературные связи XII–XVII вв.

Памятники древнерусской литературы и письменности у южных славян в XII–XIV вв. (проблемы и перспективы изучения)

«Поучение Моисея» и сборник игумена Спиридона (новгородский памятник XII в. в контексте русско-южнославянских связей)

К истории ростовского владычного скриптория XIII в.: старые факты и новые данные
Восточнославянская книжная культура конца XIV–XV в. и «второе южнославянское влияние»

К вопросу о периодизации русско-южнославянских литературных связей XV – начала XVI в.

К вопросу о сербском компоненте во «втором южнославянском влиянии»

Южнославянские переводы XIV–XV вв. и корпус переводных текстов на Руси (к 110-летию выхода в свет труда А. И. Соболевского)

К истории Статного пролога на Руси

Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV – первой половины XVI в.: парадоксы истории и географии культурных связей

«Гарун-ар-Рашидовский» сюжет в славянских литературах XV–XVI вв. (сербский деспот Стефан Лазаревич и великий князь Московский Иван Калита)

Критерии определения славяно-молдавских рукописей XV–XVI вв.

Эпизод болгаро-сербско-русских связей середины XVII века (гипотеза о происхождении карловацкой рукописи «Сказания о письменах» Константина Костенецкого)

III. Из истории сербской культуры и письменности XIII–XVI вв.

Сербская средневековая литературно-книжная традиция в контексте православного славянского единства на Балканах

Какие «многие законные книги» переписал в 1219 г. св. Савва Сербский?

Из какого евангельского кодекса происходит послесловие анагносты Радина?

Когда краль Марко менялся женами? (К датировке сербской Минеи праздничной из собрания А. И. Хлудова (ГИМ), № 164)

Последний отголосок идеи «Царства Сербов и Греков» (Градозданная надпись Вука Бранковича 1378–1379 гг.)

Ранний славянский список календарных эпиграмм Николая Калликла

(«Птохопродрома»): к вопросу о времени перевода

Кому «единоименен» Раннокисум? (Глоссы как элемент первоначального замысла и

оформления текста Жития деспота Стефана Константина Костенецкого)
Рассказы о чудотворных иконах монастыря Хиландарь в русской записи XVI в.
Заметки о сербской книжной тайнописи XV–XVI вв.
К отождествлению частей некоторых фрагментированных сербских рукописей конца XIII–XIV вв.
К истории второй («македонской») рукописной коллекции А. Ф. Гильфердинга

Список сокращений

Сведения об авторе

Белешка о писцу

Библиографическая справка

Указатель шифров рукописей, упоминаемых в издании

Резюмеа

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга объединяет работы автора по славистике и сербистике, написанные и опубликованные на протяжении 30 лет — с конца 1970-х до рубежа 2000–2010-х гг. Соединение этих тем под одним переплетом отнюдь не случайность. Не говоря уже о том, что сербистика является (во всяком случае для иностранного автора) одной из отраслей славистики, роль сербской традиции в сохранении славянского книжно-литературного наследия (и прежде всего древнейшего периода — кирилло-мефодиевской эпохи и деятельности ближайших учеников

славянских апостолов) на протяжении всего средневековья такова, что без обращения к ней невозможно ни одно сколь-либо серьезное исследование. В особенности это стало ясно на протяжении последней трети прошлого века (хотя и раньше в этом смысле было мало сомнений), когда был открыт и введен в научный оборот корпус гимнографических сочинений, написанных учениками Кирилла и Мефодия; одновременно существенно расширились представления о круге древнерусских памятников, в XII–XIII вв. получивших известность у южных славян.

Порядок размещения работ в книге (применительно к сюжетам преимущественно хронологический) имеет довольно мало общего с хронологией создания и выхода статей в свет, что нетрудно заметить, обратившись к перечню их первых публикаций в конце тома. Первоначально научные интересы автора были сосредоточены на второй половине XIV–XV вв. — эпохе «второго южнославянского влияния» в связи с проблемой формирования и развития местных школ русской письменности в указанный период. Этой теме был посвящен первый вариант кандидатской диссертации автора, от которого со временем пришлось отказаться по следующим причинам. С одной стороны названная тема в полном ее объеме оказалась откровенно неподъемной для начинающего исследователя, с другой из нее естественным образом выделилась незамеченная до той поры в историко-филологической литературе проблема русско-южнославянских (почти исключительно русско-сербских) связей последней четверти XV — первой половины XVI вв., которой в итоге и была посвящена диссертация, защищенная в 1980-м г. Дальнейшей разработкой отдельных сюжетов, связанных с диссертацией, являются также № 14–16 в разделе 2 и № 25 в разделе 3.

Однако первоначальный замысел исследования отнюдь не канул в Лету. Уже собранный и наработанный материал постоянно побуждал к дальнейшим изысканиям. Он заметно дополнялся, корректировался и осмысливался на протяжении 1980-х — первой половины 1990-х гг., в процессе подготовки «Предварительного списка славяно-русских рукописных книг XV в.» (М., 1986), а затем «Дополнений» к нему (М., 1993). В работах 1990-х — 2000-х гг. (пять из которых публикуются в настоящем издании — раздел 2, № 10–14), автор, опираясь исходно на материалы и выводы А. И. Соболевского (в любом случае остающиеся базовыми), предложил существенно уточненную, исправленную и дополненную в хронологическом и региональном плане концепцию «второго южнославянского влияния», особо выделив в нем сербский компонент, традиционно считавшийся маргинальным. Пытаясь максимально полно исследовать феномен этого «влияния», автор, естественно, не мог не обратиться и к теме молдавского фактора в нем, поскольку в этом вопросе существовала масса неясностей, преувеличений и прямых домыслов, вызванных недостаточной изученностью славяно-молдавской книгописной традиции. В результате на свет появилась статья «Критерии определения славяно-молдавских рукописей» (разд. 2, № 17). Формально она не относится ни к средневековым межславянским связям, ни к сербской культуре, однако число славяно-молдавских рукописей (и, что не менее важно — ошибочно относимых к

таковым) в хранилищах разных стран — включая бывшую Югославию — столь велико, что тема оказывается актуальной по сути для всех исследователей кириллической рукописной традиции начиная с XV в.

В дальнейшем разработка автором конкретных исследовательских сюжетов была прямо или косвенно связана с большими проектами по каталогизации и описанию славянских кириллических рукописей на территории бывшего СССР и за его пределами. Участие автора со второй половины 1980-х гг. (сначала в качестве секретаря редколлегии, а с середины 1990-х — ответственного редактора) в работе над Сводным каталогом славяно-русских рукописных книг XIV в. и (сугубо по личной инициативе) над проверкой разнообразных сведений (от уточнения датировки и содержания до выявления памятней славянских святых в месяцесловах Евангелий и Апостолов) по аналогичному Сводному каталогу XI–XIII вв. (М., 1984) постоянно сопровождалось открытиями разного масштаба и значения (ситуация, несомненно хорошо знакомая всем археографам, работавшим с большими массивами разнородных и разновременных рукописей) — находками новых текстов (начиная с кирилло-мефодиевской эпохи) и новых списков уже известных в науке литературных раритетов, уточнением датировки манускриптов (а порой решительной — на столетие и более — их передатировкой), отождествлением разрозненных фрагментов кодексов и атрибуцией почерков писцов. Направление исследований диктовалось уже самим материалом — появилось весьма много новых данных, позволяющих делать обоснованные обобщения в области судеб древнейших славянских литературных памятников в национально-региональных традициях и (в развитие построений М. Н. Сперанского, В. А. Мошина и их последователей) в истории русско-южнославянских культурных связей домонгольского периода. В то же время отождествление отрывков и почерков писцов заведомо невозможно было ограничить (даже с точки зрения полноты и надежности сведений Сводных каталогов) только данными по бывшим советским хранилищам (при всем их богатстве), постоянно возникала необходимость обращения к зарубежному материалу — хотя бы на уровне воспроизведений. И здесь, конечно, неоценимым подспорьем в работе являлись палеографические альбомы, издававшиеся (в основном при описаниях рукописей) в Югославии в 1950–1980-х гг. и обширные наработки в деле атрибуции почерков, принадлежащие В. А. Мошину и его ученикам и последователям (и прежде всего Л. Цернич). Автор в ряде случаев может не соглашаться с датировками своих сербских предшественников (и тому есть достаточно примеров на страницах этой книги), но он в полной мере осознает, что без этой колоссальной, без преувеличения, работы во многом невозможны были бы и его собственные атрибуции.

Сербские памятники письменности занимают в этой череде отождествлений особое место по ряду причин. Первая из них — большая существующая справочно-информационная база — уже названа. Вторую составляет не раз упоминавшееся богатство материала — суммарное число рукописей сербского языкового извода XIV в. в хранилищах разных стран если не равняется совокупности болгарских и

древнерусских рукописей этого периода, то явно приближается к ней. Наконец, последняя носит достаточно индивидуальный характер и не вполне объяснима с чисто рациональной точки зрения. Дело в том, что по глубокому убеждению автора многие сербские почерки XIII–XIV вв. (и прежде всего уставные) обладают какой-то невербализируемой особенностью облика, позволяющей отождествлять их с достаточной легкостью и высокой степенью надежности.

Статьи, включенные в сборник, имеют разное происхождение и порождены разными причинами и обстоятельствами. Среди них есть написанные по заказу, под конкретный тематический блок (что, разумеется, отнюдь не означает заданности выводов). Ряд из них (при этом работы достаточно крупные) появился на свет как следствие полемики с появившимися в научной печати мнениями (например, разд. 2, № 15 и, в какой-то мере, № 10). Несомненно общим для всех публикуемых здесь исследований является их теснейшая связь с каждодневным и непрерывным изучением рукописных памятников в хранилищах бывшего СССР и за его пределами. На протяжении десятилетий автор активно использовал каждую предоставлявшуюся ему возможность для работы с рукописями зарубежных хранилищ — будь то на Афоне, в Белграде, Братиславе, Ватикане, Вене, Новом Саде, Париже, Праге, Софии или Стокгольме.

Автор выражает искреннюю признательность проф. Дж. Трифуновичу за саму идею этой книги, за советы по отбору конкретного материала для публикации, и, разумеется, за бескорыстные усилия в отыскании источника финансирования издания. Глубокая благодарность издательству «Чигоя штампа», известному своими высококачественными и прекрасно оформленными изданиями гуманитарной литературы, и лично г-ну Жарко Чигоя за возможность опубликовать свою книгу именно здесь. Особую признательность хотелось бы выразить Снежане Елесиевич, которая в роли редактора и корректора взяла на себя нелегкий труд внимательно прочесть всю эту книгу в процессе подготовки издания и перевела на сербский язык резюме статей и био-библиографические материалы.